

© Т. С. СОРОКИНА, 1999

УДК 614.2:616.98:579.842.23]:93(470)"1771"

Т. С. Сорокина

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В МОСКВЕ МОРОВОЙ ЯЗВЫ 1771 г.

Российский университет дружбы народов, Москва

Среди многих выдающихся достижений российской медицины уходящего тысячелетия особое место в мировой истории занимает фундаментальный труд "Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г.", опубликованный 225 лет назад (1775 г.) с полным приложением всех 212 государственных и врачебных документов этой великой эпопеи. По поручению "Комиссии для предохранения и врачевания от моровой заразной язвы" этот фолиант был подготовлен к изданию генеральным штаб-доктором Афанасием Филимоновичем Шафонским (1740—1811 гг.), который первым диагностировал чуму в Москве и самоотверженно прошел весь путь борьбы с ней до последнего дня эпидемии. Книга эта принадлежит к весьма редким литературным памятникам и в Российской государственной библиотеке хранится в одном экземпляре в Музее книги.

Почему же на стыке тысячелетий мы приносим дань глубокого уважения этому сочинению? В чем заключается великое историческое значение и притягательность описанных в нем событий и мероприятий? Ответ прост — приоритет России и подвиг России. Этот труд стал первым в мировой литературе обобщением государственного и общественного опыта успешной борьбы с чумой. В связи с этим А. Ф. Шафонский отметил в своем предисловии: "Сия болезнь в России, к великому ее счастью, весьма редко бывала, так что от прежнего века, сколько известно, только одно краткое донесение сыскалось... При расположении средств к пресечению сея болезни оставалось установителям оных все предпринимать, нимало не медля, по собственному изысканию и чрез опыты до совершенства доходить"¹.

¹Шафонский А. Ф. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве. — М., 1775. — С. 11.

Именно в России в 1771 г. сформировались и были блестяще осуществлены на практике методы государственной организации противоэпидемических мероприятий по пресечению и врачеванию чумы. На наш взгляд, среди них можно определить несколько основных приоритетных положений:

- 1) государственное планирование, финансирование и контроль за деятельностью больниц, карантинных, торговых, полицейской службы;
- 2) ежедневный учет заболеваемости и смертности;
- 3) методы санитарного просвещения (печатные листы, разъяснительная работа, финансовые поощрения), которые позволяли преодолевать страх и необразованность широких слоев населения;
- 4) снабжение города продовольствием "коронным иждивением";
- 5) государственное попечение за детьми, оставшимися без родителей, а также нищими и бродягами;
- 6) организация захоронений;
- 7) планомерная обработка города после эпидемии;
- 8) и, как итог, издание фундаментального труда, впервые обобщившего опыт пресечения моровой язвы (с приложением всех официальных материалов и источников).

Предлагаемая статья явилась результатом изучения оригинальных документов того периода, что позволило исправить многочисленные неточности и ошибки, утвердившиеся в историко-медицинских публикациях последних десятилетий, восстановить реальную историческую картину этой печальной, но героической страницы нашей истории, воскресить забытую роль русского дворянства в организации борьбы с эпидемией, имена некоторых врачей, деятельность Сената, императрицы Екатерины II и графа Г. Г. Орлова.

В истории человечества эпидемии чумы были самыми опустошительными. После второй пандемии (1346—1348 гг.), вошедшей в историю под названием "черная смерть" и унесшей треть жителей Европы, вспышки чумы периодически повторялись в разных странах мира: Англии (Лондон, 1665 г.), Франции (Марсель и Тулон, 1720—1721 г.), России (Москва, 1654—1655, 1770—1772 гг.). Бесконечные войны, голод, внутренние потрясения, тяжелейшее санитарное состояние городов и селений по-прежнему представляли для нее весьма благоприятную почву. "Причины неизвестны, действие ужасно, распространение неизмеримо: ничто не может вызвать более сильной тревоги. Чудится, что смертность будет безгранична, опустошение будет бесконечно и что пожар, раз вспыхнув, прекратится только за недостатком пищи, — писал о чуме Э. Литтре в своих "Великих эпидемиях" (1873 г.).²

Разработка научных основ государственных мероприятий по пресечению чумы и борьбе с ней началась лишь в конце XVIII столетия. В значительной степени это связано с историей России и эпидемией моровой язвы (бубонной чумы) в Москве в 1771—1772 гг.

В 1769 г. во время первой русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) чума была занесена в Европу из Турции. В конце 1769 г. она появилась в русских войсках, омрачив их блистательные победы, в начале 1770 г. охватила Молдавию и Валахию, к лету перешла в соседние польские провинции и Украину, затем проникла в Центральную Россию и неуклонно продвигалась к российской столице.

В октябре 1770 г. указом императрицы Екатерины II от 19 сентября 1770 г. на подступах к Москве стали учреждать заставы (в городах Боровске, Серпухове, Калуге, Алексине, Кашире, Коломне), "чтоб сие зло (чума) не вкралось в средину империи нашей", — как писала Екатерина II генерал-губернатору Москвы графу П. С. Салтыкову (1698—1777 гг.).³ Однако при том постоянном общении столицы с армией, какое бывало во время войны, эти карантинные предосторожности не были достаточными, и в декабре 1770 г., несмотря на суровость зимы, чума появилась в Москве.

Первый случай моровой язвы в Москве был отмечен 17 ноября 1770 г. в жилом доме служителей Генерального Сухопутного госпиталя на Введенских горах. Старший медик госпиталя генеральный штаб-доктор А. Ф. Шафонский в тот же день сообщил об этом чрезвычайном происшествии члену Московской Медицинской конторы доктору Андрею Риндеру, который долгое время не хотел соглашаться с тем, что моровая язва появилась в Москве. Возможно, эта страшная эпидемия была бы менее трагична, если бы к голосу А. Ф. Шафонского прислушались с самого начала: "...это был первый голос, предостерегавший Москву от грозившей опасности, и если бы лень и упрямство, а также невежество других докторов не заглушили этого голоса, Москва без сомнения была бы спасена", — писал А. Лефорт в "Истории царствования Екатерины II"⁴.

Таким образом, карантин на госпиталь был наложен только 22 декабря 1770 г. Этому действию в значительной степени способствовало представленное в тот день московскими врачами письменное "Мнение докторское о появившейся в Московском госпитале опасной болезни", в котором признавалось, что "она болезнь должна почитаться за моровую язву, в следствие чего... должно пресечь сообщение города с госпиталю"⁵. Когда очаг эпидемии был локализован, было выявлено 27 заболевших; 5 из них выздоровели, остальные умерли. В конце января 1770 г. эпидемия в госпитале прекратилась. По истечении 6 нед карантин был снят. По специальному Указу Императрицы здание госпиталя, в котором находились больные моровой язвой, было сожжено 1 марта 1771 г.

Но уже 9 марта стало известно о новом очаге "повальной болезни" в Москве — на Большом суконном дворе в Замоскворечье. Доктор Кассиан Ягелский (1736—1774 гг.), в тот же день направленный на фабрику для проверки, обнаружил там больных "горячкою гнилою" с пятнами и бубонами на теле и выяснил, что к тому времени на фабрике от чумы уже умерло 113 человек; все остальные работники (около 1000 человек) продолжали общаться с жителями города, разнося смертоносную болезнь⁶. Таким образом, в Москве одновременно существовало два очага чумы. В то время как один из них был своевременно распознан

и подавлен, другой в течение по меньшей мере 2,5 мес оставался невыявленным.

11 марта 1771 г. после консилиума московских врачей (Г. Скиадан, И. Ф. Эразмус, А. Ф. Шафонский, К. Мертенс, П. Погорелкий, П. Вениаминов, С. Г. Зыбелин, К. О. Ягелский) фабрика была немедленно закрыта; все заболевшие были переведены в Угрешский монастырь (Монастырь Св. Николая-чудотворца на р. Угреша), а здоровые помещены в карантинные дома в Замоскворечье. Доктор И. Ф. Эразмус составил два подробных наставления: "Инструкцию, данную лекарю, для пользования больных, в Угрешском монастыре определенному", и "Инструкцию, данную лекарю, состоящему в карантинном доме, при фабричных работах", в которых подробно излагалось, как осматривать больных моровой язвой, распределять их по покоям, кормить, поить и врачевать⁷.

Тем не менее, второй очаг моровой язвы локализовать не удалось. Заболеваемость и смертность возрастали. Были открыты новые карантинные в Симоновом, Покровском и Даниловом монастырях. (Причем, в Покровском монастыре за все время эпидемии не было ни одного случая заболевания моровой язвой). 31 марта 1771 г. Медицинский совет Москвы подготовил наставление для жителей "Мнение, служащее к предохранению города от появившейся болезни"⁸.

25 марта 1771 г. Императрица Екатерина II назначила в помощь губернатору Москвы генерал-поручика и сенатора П. Д. Еропкина "ко охранению столичного города от... открывшейся прилипчивой болезни"⁹. Приступив к своим обязанностям 31 марта 1771 г., генерал П. Д. Еропкин поставил перед Медицинским советом Москвы ряд практических вопросов о содержании в карантинах, организации захоронений, об общественных банях (которые были закрыты) и т. д. и действовал в соответствии с его рекомендациями.

Город был разделен на 14 частей для облегчения учета случаев заболевания моровой язвой, направления больных в больницы, а бывших в контакте с ними — в карантинные дома. Въезд и выезд из Москвы был резко ограничен и разрешен только через 7 застав (Калужскую, Серпуховскую, Рогожскую, Преображенскую, Троицкую, Тверскую и Дорогомиловскую); остальные 11 были закрыты. Высшие сословия и торговые люди спешно покидали столицу и разъезжались по своим деревням, унося с собой и заразу¹⁰. Согласно Указу Императрицы от 31 марта 1771 г., лица, отправившиеся из Москвы в сторону Петербурга по Петербургской дороге, должны были получать у генерала П. Д. Еропкина письменное свидетельство о том, что они не из зараженных домов, а их товары отправлены с фабрик, где нет чумы¹¹. Заключение о здоровье отъезжающих должны были давать только доктора Кассиан Ягелский и Христиан Граве. По пути из Москвы в Петербург были учреждены дополнительные заставы. Однако обширность города и недостаточность военных команд не позволяли в должной мере ограничивать въезд и выезд из Москвы.

В результате смертность от чумы в Москве продолжала увеличиваться: в апреле 1771 г. умерло 778 человек, в мае — 878, в июне — 1099, в июле — 1708¹².

Страх и уныние воцарились в столице. Войска были выведены за город в полевые лагеря. В Москве для поддержания порядка остался лишь генерал П. Д. Еропкин со 150 солдатами и 2 пушками.

19 августа 1771 г. все присутственные места были закрыты, лавки, магазины и фабрики запечатаны, в городе прекратились все работы. Рекомендовалось из домов не выходить и другие дворы не посещать. Для погребения умерших стали использовать преступников, осужденных на смерть или каторжные работы. Их одевали в вошеное платье, выдавали специальные рукавицы и содержали за счет государственной казны ("от короны")¹³.

Однако несмотря на все усилия, достичь тщательного соблюдения карантинных мер не удавалось. Часто москвичи утаивали заболевших, опасаясь сожжения своих домов и зачумленного имущества, ведь по тем временам это равнялось разорению. Тела умерших скрывали в погребах, их бросали в колодцы, зарывали в садах или просто ночью выбрасывали на улицу. В связи с этим 26 августа 1771 г. был обнаружен специальный

⁷ Там же. — С. 218—224.

⁸ Там же. — С. 241—242.

⁹ Там же. — С. 243.

¹⁰ Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 60.

¹¹ Никитин А. Краткий обзор состояния медицины в России в царствование Екатерины II. — СПб.: Тип. Опекун. Совета, 1855. — С. 13.

¹² Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 64, 66, 72.

¹³ Там же. — С. 74.

² Литтре Э. Великие эпидемии // Медицина и медики / Пер. с франц. — СПб., 1873. — С. 1—2.

³ Зикеев П. Д. Редкая книга // Клин. мед. — 1977. — № 1. — С. 143—144.

⁴ Лефорт А. История царствования Екатерины II. — М., 1837. — Ч. III. — Кн. VII. — С. 53 (примечание).

⁵ Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 181.

⁶ Там же. — С. 212—213.

Указ Императрицы "О неутайке больных и невыбрасывании из домов мертвых", гласивший: "если кто в таком преступлении будет открыт и изобличен... таковой без всякого... милосердия отдается вечно в каторжную работу"¹⁴.

Несмотря на массовый отъезд москвичей из города, число умирающих от чумы увеличивалось и достигло в августе 7268 (до 400 человек в день), а в сентябре — 21 401 (до 800 человек в сутки)¹⁵.

В народе зрело недовольство устройством карантинных, закрытием торговли и бань, запрещением хоронить мертвых по церковному обряду. Главными виновниками представлялись врачи, которые якобы "моряют народ в карантинах", духовенство и дворяне. Спасение искали в ежедневных крестных ходах и молитвах. Днем и ночью толпы народа служили молебны у иконы Боголюбской Божьей матери в часовне у Варварских ворот. Такое скопление людей еще больше способствовало распространению чумы. И тогда архиепископ Московский и Калужский Амвросий, будучи весьма образованным человеком и понимая необходимость соблюдения врачебных предписаний, принял решение перенести икону Божьей матери в менее доступное место. Это послужило поводом для мятежа.

15 сентября 1771 г. в Москве началась "чумной бунт". Народ хлынул в резиденцию архиепископа Чудов монастырь в Кремле, который в одну ночь был разграблен. Не найдя там Амвросия, бунтовщики уничтожили его преемственную библиотеку (подарок Императрицы Елизаветы Петровны) и стали грабить дома аристократов и монастыри, разрушать больницы и карантинные, избивать солдат и врачей. Архиепископ Амвросий, находившийся на службе в Донском монастыре, утром 16 сентября был схвачен, вытаснен за ограду и зверски убит. В этот же день генерал П. Д. Еропкин с оставшимися 130 солдатами сумел подавить мятеж и арестовал всех зачинщиков (за что Императрица жаловала ему пенсию и 20 тыс. руб.)¹⁶.

Получив донесение о "чумном бунте", Екатерина II направила в Москву генерал-адъютанта графа Григория Григорьевича Орлова (1734—1783). Императорским "Манифестом об отправлении Князя Орлова в Москву главным начальником" (от 21 сентября 1771 г.) он был наделен неограниченными полномочиями, располагал большими денежными фондами и был обязан любыми силами и средствами подавить эпидемию и "привести все в надлежащий порядок"¹⁷.

26 сентября 1771 г. граф Г. Г. Орлов с четырьмя полками лейб-гвардии прибыл в Москву. Он лично осмотрел все карантинные и больницы, а 30 сентября обратился к москвичам с печатным словом "О бытии в Москве моровой язвы", в котором еще раз напомнил о тех предосторожностях, которые следовало соблюдать при моровой язве, о том, что заражение ею происходит не через воздух, а от соприкосновения с зараженными предметами и больным человеком, и призвал москвичей поддерживать старания правительства¹⁸.

В тот же день граф Г. Г. Орлов направил всем московским врачам "Вопросы о моровой в Москве язве", на которые каждый должен был ответить по собственному усмотрению¹⁹. Ответы на эти вопросы хранились у графа Орлова, в труд А. Ф. Шафонского не вошли и остались неопубликованными.

6 октября 1771 г. граф Г. Г. Орлов собрал в доме генерала П. Д. Еропкина всех московских медиков. Главной причиной "великого сего зла распространения" он признал мнение некоторых медиков, что "якобы оказавшаяся здесь болезнь не есть заразительная язва". Каждому из врачей было предложено ответить на 4 вопроса:

1) Умножившаяся в Москве смертоносная болезнь та ли, что называется моровой язвой?

2) Чрез воздух ли ею люди заражаются или от прикосновения к зараженному?

3) Какие суть средства надежнейшие к предохранению от оной?

4) Есть ли, и какие способы ко уврачеванию зараженных²⁰.

В ответ на первый вопрос все 23 врача единодушно назвали болезнь моровой язвой. По второму вопросу признали, что не воздух людей заражает, а прикосновение к больному и его вещам.

По третьему вопросу каждый отвечал персонально. Лучшими средствами предохранения от моровой язвы были названы: изоляция больных и последующее окуривание помещений, обмывание всего тела холодной водой или уксусом; ношение рубашек, смоченных в уксусе или соленой воде; чистый воздух; пища

кислая из овощей предпочиталась мясной, по утрам советовалось выпивать простого вина, настоящего с чесноком, и съедать кусочек хлеба; не выходить утром на голодный желудок; соблюдать умеренность в еде; рекомендовались окуривания порошком из серы, селитры и смирны, курение табаку, мытье в домашних банях и кипячение белья и платья, жевание ирного корня²¹.

Ответ на четвертый вопрос был выработан лишь на следующий день. Главными средствами врачевания тогда представлялись потогонные и рвотные средства, втирания льда и кислые напитки, при повышенной температуре — аппликации на голову черного хлеба, замоченного в уксусе, а местно на бубоны — лепешки из муки, патоки и печеного лука для ускорения их созревания; для лечения карбункулов — прикладывание к ним дегтя с калачом, сала, воска и постного масла, творога и тертого чеснока^{22, 23}.

На другом, более узком совещании врачей (докторов А. Ф. Шафонского, К. О. Ягелского и Г. М. Орреуса, штаб-лекаря Хр. Граве и лекаря Д. С. Самойловича²⁴) с представителями властей Г. Г. Орлов поставил на обсуждение более конкретные вопросы: достаточно ли больниц и карантинных, соответствуют ли они потребностям создавшейся ситуации и т. д. По мнению врачей, следовало увеличить число карантинных, при сортировке не направлять в карантинные уже заболевших, организовать при карантинных специальные места для сохранения вещей, учредить несколько новых больниц за чертой города, создать специальные покои для самых тяжелых больных и для выздоравливающих, регламентировать время работы врачей и т. п.²⁵. В последующем все это было реализовано.

²¹Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 329—334.

²²Никитин А. Цит. соч. — С. 14.

²³Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 346.

²⁴Д. С. Самойлович (1742—1805 гг.) во время чумы в Москве в июле 1771 г., будучи молодым лекарем, по болезни уволенным со службы в Молдавии, по собственному желанию возглавил больницу в Угрешском (а затем в Симоновом) монастыре. Он разработал состав для окуривания; испытывал на себе дезинфицирующее действие средств, предложенных Комиссией, и обжигал при этом руки так, что "знаки как бы рытвин и разрывов оставались на них по смерти его". В опытах на себе он доказывал эффективность предлагаемых мер защиты от чумы, многократно одевая на себя снятую с больных и окуренную дымом одежду.

Позднее, будучи главным доктором Юга России и участвуя в борьбе с эпидемиями чумы в Крыму, Херсонской и Екатеринославской губерниях, Д. С. Самойлович впервые в России изучил условия распространения чумы и ее патологическую анатомию и в 1783 г. дал подробное описание клинической картины чумы в своем труде "Memoire sur la Peste, que, en 1771, ravagea l'Empire de Russie, surtout Moscou, la Capitale" ("Научные записки о чуме, которая в 1771 г. опустошила Российскую империю, и особенно столичный город Москву"), изданном в Париже на французском языке в 1783 г. Желая увидеть в живописи правдивое отражение этой эпидемии, Д. С. Самойлович подготовил для художников "Начертание для изображения в живописи пресеченной в Москве 1771 года моровой язвы" (СПб., 1795).

Он впервые выдвинул положение о специфичности чумы, о живой природе "яду язвенного", был сторонником контактиозной природы этого заболевания. Используя один из первых микроскопов системы Деллебара, он предпринимал попытки обнаружить в выделениях больного и тканях умерших микроорганизм — возбудитель чумы (которой был открыт почти столетие спустя французским ученым А. Йерсеном (A. Yersin, 1894 г.). Эти исследования описаны в труде Д. С. Самойловича "Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного..." (СПб., 1792).

Впервые в мире Д. С. Самойлович предложил предохранительную прививку против чумы, используя для этого содержимое созревшего бубона больного чумой. К этому выводу он пришел на основании собственного опыта: вскрывая бубоны у больных, он трижды заражался чумой и трижды его болезнь протекала в легкой форме. Идея Д. С. Самойловича о прививке против чумы по своему значению сопоставима с эпохальным открытием Э. Дженнера.

Д. С. Самойлович не пользовался особым покровительством императрицы Екатерины II, не занимал в нашей стране почетных должностей и не был членом Российской Академии наук. В то же время он был членом 12 зарубежных академий: города Дижон, Лион, Майян, Манхайм, Марсель, Нанси, Ним, Париж (двух академий), Падуя, Тулуза, Турин, что свидетельствует о высоком международном признании его заслуг в борьбе с чумой.

²⁵Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 337—339.

¹⁴Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 304.

¹⁵Там же. — С. 89—96.

¹⁶Там же. — С. 180—187.

¹⁷Там же. — С. 319—329.

¹⁸Там же. — С. 321—325.

¹⁹Там же. — С. 325—326.

²⁰Там же. — С. 327—329.

Собранные таким образом сведения послужили основанием для издания императорского указа от 11 октября 1771 г. "Об учреждении двух Комиссий, для прекращения моровой язвы"²⁶.

В первую "Комиссию для предохранения и врачевания от моровой заразительной язвы" вошли врачи: доктора А. Ф. Шафонский, К. О. Ягелский и Г. М. Орреус, штаб-лекарь Хр. Граве и лекарь Д. С. Самойлович; возглавил ее генерал П. Д. Еропкин и его помощники: протоиерей Успенского собора А. Г. Левшин и статский советник В. Г. Баскаков, а также купец и мещанин Лука Долгой. В полное распоряжение комиссии были переданы все больницы, карантинные дома и аптеки Москвы, все медицинские чины и служители.

Комиссия определяла число больниц и карантинных и руководила их работой, вела ежедневную статистику заболеваемости и смертности и ежедневно сообщала об этом в Сенат, руководила очисткой города и сожжением всего подозрительного на заражение, активно занималась санитарным просвещением среди населения. Так, были изданы печатные листы "Как самому себя от язвы пользует", "Краткое уведомление, каким образом познавать моровую язву, так же врачевать и предохраняться от оной" (М. Г. Орреус), "Каким образом яд язвенный в домах и вещах зараженных истреблять" (К. О. Ягелский). Есть все основания полагать, что в те дни эти виды санитарного просвещения были впервые применены в нашей стране. Комиссия обратилась ко всем московским врачам с призывом включиться в работу по борьбе с эпидемией, и к их чести ни один не уклонился от выполнения своего врачебного долга.

Вторая комиссия — исполнительная — состояла из 3 человек под председательством тайного советника и сенатора Д. В. Волкова и занималась контролем за неуклонным практическим выполнением всех распоряжений и указаний первой комиссии, а также за порядком, тишиной и безопасностью в городе.

Ввиду того что в Москве все еще существовал панический страх перед направлением в больницы и карантин, граф Г. Г. Орлов применил тактику материального поощрения: все добровольно поступавшие в больницы или карантин, получали при выписке новую одежду и денежное пособие — 5 руб. холостым и 10 руб. женатым²⁷ (по тем временам это были большие деньги; для сравнения: корова тогда стоила 2—4 руб., лошадь — 7—10 руб., хорошие красные сапоги — 1 руб. 40 коп., пистолет — 2 руб., позолоченная сабля — 20 руб., рубаха и штаны — 40 коп., пуд соли — 4 коп.)²⁸. "Такое награждение, а к тому частые и скорые выпуски (из карантинных) столько действовали, что многие сами охотно приходили объявлять свою болезнь и просили, чтобы их отправить в карантин"²⁹.

Лицам, сообщавшим о сокрытии чумного больного, выдавалось вознаграждение в размере 10 руб., а за разоблачение лиц, занимавшихся хищением или продажей чумного белья, — 20 руб.³⁰. Всего "на прекращение моровой язвы в одной только Москве было употреблено коронной казны более 400 тысяч рублей"³¹.

Город был обеспечен хлебом и съестными припасами³². Содержание в больницах и карантинах также осуществлялось за счет императорской казны; за период с апреля 1771 г. по март 1772 г. в них находилось 12 565 человек³³. Врачи получали двойное жалование и сверх того ежемесячную прибавку: докторам — по 36 руб., штаб-лекарям — по 30 руб., лекарям и подлекарям — по 24 руб., а ученикам — по 20 руб.³⁴. Для детей, лишившихся родителей, "учрежден был коронным иждивением в Таганке особый дом", откуда по истечении карантинного срока детей переводили в Императорский Воспитательный дом; за все время эпидемии в нем не было ни одного случая (!) заболевания чумой³⁵. Все нищие подбирались полицией и направлялись в осведомившийся от больных Угрешский монастырь, где их содержали также "от короны"³⁶. Погребение умерших также финансировалось из императорской казны и проводилось "казенными людьми и лошадьми" в специальных местах за городом³⁷. Реши-

тельно пресекались мародерство и другие виды преступлений. Запрещались всякого рода собрания. Бродивших по улицам собак и кошек отлавливали, усыпляли и "с предосторожностью в поля глубоко зарывали"³⁸. Выезд в Петербург разрешался только после шестинедельного карантина в специальных дорожных домах.

Граф Г. Г. Орлов продолжал лично посещать больницы и карантинные и принимал живейшее участие во всем, что могло содействовать ликвидации моровой язвы и восстановлению нормальной жизни Москвы. Он действовал смело, решительно и оперативно. Высокообразованный человек, он в то же время был легок в общении. Его авторитет как государственного деятеля, блестящая свита и оперативная команда, его сопровождавшая, действовали оздоравливающе на психологический климат Москвы. Москвичи стали больше доверять распоряжениям правительственных органов, перестали бояться больниц и карантинных домов, стали более добросовестно выполнять рекомендации врачей.

В результате принятых мер в ноябре 1771 г. эпидемия начала постепенно стихать. 1 декабря 1771 г. в Москве были открыты присутственные места. Смертность заметно снижалась: в октябре 1771 г. умерло 17 561 человек, в ноябре — 5235, в декабре — 805, в январе 1772 г. — 330, в феврале — 352 человека, т. е. установилась на естественном для города уровне³⁹.

5 ноября 1771 г. было принято решение об отъезде из Москвы графа Г. Г. Орлова, поскольку миссия его была завершена.

21 ноября 1771 г. (после двухмесячного отсутствия) граф Г. Г. Орлов прибыл в Петербург. При въезде в Царское Село ему была оказана торжественная встреча. В его честь были сооружены триумфальные ворота, на которых начертано: "Орлову — от беды избавленная Москва", и выбита медаль с его изображением и надписью: "Россия таковых сынов в себе имеет"⁴⁰.

После отъезда Г. Г. Орлова в Москве продолжалась работа по "очищению" и "окуриванию" города. Специальные императорские указы (от 12 января 1772 г.) возлагали санитарную обработку фабрик на их хозяев, а церквей — на служителей культа. Контроль за этой работой осуществляли доктора А. Ф. Шафонский и Г. М. Орреус. При ее проведении было обнаружено более 1000 трупов москвичей, которые при жизни скрывали свое заболевание или не имели возможности сообщить о нем. Здесь необходимо отметить, что среди людей, проводивших на этом этапе розыск, перевозку и захоронение умерших, не наблюдалось ни одного случая заражения чумой, ибо уже соблюдались необходимые меры предосторожности.

15 ноября 1772 г. указом Императрицы Москва была объявлена благополучным городом⁴¹, а 25 ноября 1772 г. во всех соборах и церквях был отслужен молебен за избавление древней столицы от чумной напасти. Жители, покинувшие город, начали возвращаться домой. Последним историческим документом этой великой эпопеи был Манифест Екатерины II от 6 сентября 1775 г. "О уничтожении Предохранительной комиссии и всех внутренних застав", объявлявший об окончательной победе над моровой язвой в Москве⁴².

225 лет спустя чума перестала быть "смертоносной язвой", понадобилось два столетия для того, чтобы познать природу чумы и выработать научно обоснованные методы профилактики и борьбы с ней. Важнейшими этапами этого долгого и тернистого пути являются: противочумные мероприятия, идеи о специфичности чумы и прививки против чумы "живого яду язвенного" (Д. С. Самойлович, Россия, конец XVIII века); открытие возбудителя чумы (Г. И. Минх, Россия, 1878 г.; А. Иерсен, Дания и С. Китагато, Япония, 1894 г.); доказательство участия крыс (А. Иерсен, Дания, 1894 г.) и роли блох (М. Огата, Япония, 1898 г.) в распространении инфекции; разработка учения о природной очаговости (Д. К. Заболотный, Россия, 1899 г.) и создание эффективной вакцины против чумы (В. М. Хавкин, Россия, 1897—1926 гг. и др.).

Этот краткий перечень важнейших открытий свидетельствует о значительном вкладе ученых России в научную разработку и практику борьбы с этой особо опасной инфекцией.

"Сбудется чаение мое..., — верил Д. С. Самойлович, — и увидим мы все, что моровая смертоносная язва, заразноносная чума столь же в народе уже не будет опасною, как и оспа самая, паче же оспа прививная"⁴³.

Поступила 12.08.99

²⁶ Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 340—347.

²⁷ Там же. — С. 110.

²⁸ Яик перед бурей / И. Г. Рознер. — М.: Мысль, 1966. — С. 84.

²⁹ Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 110—111.

³⁰ Там же. — С. 129—130.

³¹ Там же. — С. 11.

³² Там же. — С. 121.

³³ Там же. — С. 622.

³⁴ Там же. — С. 106.

³⁵ Там же. — С. 111.

³⁶ Там же. — С. 104.

³⁷ Там же. — С. 109.

³⁸ Там же. — С. 113.

³⁹ Там же. Цит. соч. — С. 123, 135.

⁴⁰ Лефорт А. История царствования Екатерины II. — М., 1838. — Ч. III. — Кн. VII. — С. 187.

⁴¹ Шафонский А. Ф. Цит. соч. — С. 534—535.

⁴² Там же. — С. 635—637.

⁴³ Самойлович Д. С. Избранные произведения в двух выпусках. — М.: Изд-во АМН СССР, 1949. — Вып. 1. — С. 263.